

ЗАРОЖДЕНИЕ ИДЕИ «РУССКОГО САДА» И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ В РОССИИ И ЕВРОПЕ

(конец XVIII — начало XIX вв.)

Постановка вопроса о национальном своеобразии садово-паркового искусства напрашивается сама собой по причине существования давней традиции именовать садовые стили по национальному признаку. В мировой художественной теории и практике не закрепилось понятия «русский сад», в отличие от терминов «французский», «английский», «голландский» или «китайский»; тем не менее, вопрос о развитии национального стиля в садоводстве и о самой идее русского сада неоднократно ставился как в садоводческих трактатах, так и в посвященной им научной литературе. Основанием для обращения исследователей к этой теме на материале XVIII века стала, в первую очередь, статья русского писателя и агронома А. Т. Болотова «Некоторые замечания о садах в России», в которой Болотов писал: «Известное то дело, что Европа смотрит уже ныне на нас иными глазами, нежели прежде, и к Отечеству нашему уже не столь малое уважение имеет, как в старину. А при таковых обстоятельствах не было б нimalo постыдно для нас то, когда б были у нас сады ни Аглинские, ни Французские, а наши собственные и изобретенные самими нами, и когда б мы называть их стали Российскими»¹. Этот тезис стал центральным в статье Е. П. Щукиной², настаивавшей на существовании сложившейся концепции национального стиля в русском садово-парковом искусстве. Не так давно к той же теме национального своеобразия отечественного садоводства обратилась М. В. Нащокина³. Она утверждает, что Болотов, стремясь к созданию национального сада, разработал принципы совмещения регулярного и пейзажного стилей в садоводстве, ставшие, по ее мнению, основополагающими для русского садово-паркового искусства и отразившие типичную «всезычивость»⁴ русской культуры: «...болотовский гибрид в самом деле обрёл значение национального садового феномена в абсолют-

¹ Некоторые замечания о садах в России // Экономический магазин. 1786. Ч. 26. С. 61.

² Щукина Е. П. «Натурный» сад русской усадьбы в конце XVIII века // Русское искусство XVIII века. М., 1973. С. 109–117.

³ Нащокина М. В. Русское в русском садово-парковом искусстве // Нащокина М. В. Наедине с музой архитектурной истории. М., 2008. С. 432–441.

⁴ Там же. С. 436.

ном множестве русских провинциальных парков, где превратился в традицию, жизнеспособную не только в XVIII, но и на протяжении всего XIX века»⁵. То есть, с точки зрения Нащокиной, национальная специфика русского сада заключается в его сознательной эклектичности.

Признаваемая самим автором статьи «априорная» спорность⁶ этих суждений, как в отношении концепции Болотова, так и в рассуждениях об уникальности русской практики совмещения регулярных элементов с пейзажными, заставляет вновь обратиться к данной теме, предварительно проанализировав состояние садово-паркового искусства, в котором оно находилось в России во второй половине XVIII века.

К середине XVIII века в области садово-паркового искусства в России сложилась специфическая ситуация, принципиально отличавшаяся от европейской. Традиция разведения садов, причем не только плодовых, но и «увеселительных», существовала уже на протяжении нескольких веков, хотя и преимущественно в определенных «местах изоляции»: при дворцах и некоторых боярских домах, а также при монастырях. Но эта практика не была подтверждена теорией. Даже с появлением на рубеже XVII–XVIII веков первых публичных или частично открытых для публики садов, садовая теория в России (а тем более, на русском языке) не получила распространения, так как для разведения садов часто приглашались иностранные специалисты или русские, обучавшиеся за границей⁷. И только во второй половине XVIII века сложились социально-экономические условия, при которых возникла потребность в теории садоводства на русском языке. С одной стороны, у дворян после указа 1762 года появилась возможность не служить⁸, с другой, что не менее, а может быть и более важно, сельское уединение стало

⁵ Там же. С. 437.

⁶ Там же. С. 432.

⁷ Подробнее об английских садовниках в России и русских учениках в Англии см.: *Кросс Э. Г.* У темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996. С. 233–254; *Кросс Э.* Британцы в Петербурге: XVIII век. СПб., 2005. С. 281–353.

⁸ Как показывают исследования, указ Петра III не привел к массовому уходу со службы, более того, государственная служба по-прежнему оставалась одной из приоритетных ценностей российского дворянства (подробнее об этом см.: *Фаизова И. В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999; *Марасинова Е. Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века: (По материалам переписки). М., 1999). Тем не менее, сама возможность не служить открывала перед дворянами новые возможности, которыми они постепенно начинали пользоваться.

входить в моду, а идея ценности природы приобретает все большую популярность⁹. Кроме того, во второй половине XVIII века доходы помещиков от крепостных хозяйств в целом заметно выросли по сравнению с предыдущим периодом, что позволяло им тратить деньги на различные излишества и роскошь, которая тоже постепенно становилась модной формой публичной самопрезентации. Таким образом, у садоводческой теории появился потребитель — не очень богатый, но и не бедный провинциальный помещик, которые не может себе позволить нанять иностранного мастера, но готов отвести землю и потратить время и средства на устройство сада в своем имении и нуждается в соответствующих руководствах, предпочтительно на родном языке.

В условиях появления полноценной журналистики и резкого увеличения объемов книгопечатания спрос этот вскоре породил предложение: сначала появились простые переводы трактатов о садоводстве, потом адаптированные и комментированные, а вслед за ними — сложные компиляции из разных источников, предназначенные для русского читателя. Важно подчеркнуть, что власть, в лице самой императрицы Екатерины II, популяризировала садоводство и стимулировала развитие этого сегмента книжного рынка. Если первым трактатом о садоводстве, вышедшем на русском языке, был перевод фрагмента из диссертации Уильяма Чемберса¹⁰, касающегося китайских садов¹¹, то вторым должно было стать двуязычное русско-французское издание английского трактата Томаса Вейтли «Замечания о современном садоводстве»¹², готовившееся в 1773 году по личной инициативе Екатерины II¹³. Хранящиеся

⁹ Подробнее об отражении этой идеи в литературе см.: *Шайтанов И. О. Мыслящая Муза: «Открытие природы» в поэзии XVIII века.* М., 1989.

¹⁰ *Chambers W. Designs of Chinese Buildings, Furniture, Dresses, Machines, and Utensils.* London, 1757.

¹¹ О китайских садах. Перевод из книги, сочиненной господином Чемберсом, содержащей в себе описание китайских строений, домашних их уборов, одежий, махин и инструментов. СПб., 1771. О переводчице см.: *Cross A. Johnson Newman, a Little-known Englishman in Russian Service in the Second Half of the Eighteenth Century // Study Group on Eighteenth Century Russia Newsletter.* 1993. No 21. P. 36–47.

¹² [*Whately Th.*] *Observations on Modern Gardening.* London, 1770. Франц. перев.: *Whately Th. L'Art de former les jardins modernes, ou l'art des jardins anglois / Traduit de l'Anglois par Francois de Paul de Latapie.* Paris, MDCC. LXXI. Публикацию современного перевода отрывков из трактата, выполненного Б. М. Соколовым, см.: *Соколов Б. Томас Вейтли и рождение английской теории пейзажного парка // Искусствознание.* 2006. № 1. С. 144–185.

¹³ РГАДА Ф. 10. Оп. 1. Д. 383. 291 л. Впервые документ введен в научный

в РГАДА материалы свидетельствуют о том, что первоначально императрица сама взялась переводить трактат (несколько черновых страниц перевода выполнены ее рукой), причем этот перевод был адаптированным, в нем выпускались подробности, по мнению переводчицы излишние для русского читателя или непонятные ему. Книга прямо адресовалась «владельцам дач по петергофской дороге»¹⁴, то есть предполагала очень конкретное применение и перенос европейского опыта на русскую, в прямом смысле этого слова, почву. Наконец, вскоре после выхода перевода небольшой книжки Джорджа Мейсона¹⁵, датирующегося 1776 годом¹⁶, появились и первые журнальные публикации о способах разведения садов.

Развитие сельскохозяйственной журналистики в России началось с «Трудов Вольного экономического общества», выходявших уже в 1767 году, но последовательно садоводческие статьи начал печатать в своих журналах А. Т. Болотов. В своем втором журнале «Экономический магазин» (первый, «Сельский житель», выходил всего год, с апреля 1778-го по март 1779 года) Болотов в течение десяти лет (1780–1789) вел систематическую и теоретически обоснованную работу по популяризации садоводства как искусства, причем ориентированную именно на русского читателя. Предпринятая Болотовым публикация переведенных им глав многотомного труда К. К. Л. Хиршфельда «Теория садового искусства»¹⁷ была первой последовательной адаптацией европейской садоводческой теории в России. Свои переводы Болотов снабжал комментариями и практическими советами, учитывавшими российскую специфику и основанными на личном опыте садовода.

Объединив теорию, историю и философию садоводства с практикой, Болотов способствовал формированию языка садоописа-

оборот Э. Кроссом: *Cross A. Catherine the Great and Whately's «Observations on Modern gardening» // Study Group on Eighteenth Century Russia Newsletter. 1990. No 18. P. 21–29.* См. также: *Cross A. The English Garden in Catherine the Great's Russia // Journal of Garden History. Vol. 13. No. 3. July-September. 1993. P. 178–179; Schönle A. The Ruler in the Garden: Politics and Landscape Design in Imperial Russia. Oxford; ...Wien, 2007. P. 43–74; Веселова А. Ю. Еще раз о русских переводах английских садоводческих трактатов из фондов РГАДА // XVIII век. Сб. 25. СПб., 2008. С. 333–345.*

¹⁴ РГАДА Ф. 10. Оп. 1. Д. 383. Л. 3. Раздача земель по петергофской дороге под загородные дома началась еще при Петре I. См.: *Горбатенко С. Б. Петергофская дорога: Историко-архитектурный путеводитель.* СПб., 2002.

¹⁵ *Mason G. An Essay on Design in Gardening.* London, 1768.

¹⁶ [Мейсон Дж.] Опыт о расположении садов. Перевод с аглинского языка. СПб., б. г. Об атрибуции и датировке перевода см.: *Cross A. The English Garden and Russia: An Anonymous Identified // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. 1974. No 2. P. 25–29.*

¹⁷ *Hirschfeld C. C. L. Theorie der Gartenkunst.* Bd. 1–5. Leipzig, 1779–1785.

ния, в частности, терминологического, и подготовил почву для появления компилятивных и оригинальных трактатов по садоводству на русском языке. В 1785 г. вышел первый объемный труд В. А. Левшина, основанный на многочисленных иностранных источниках (за ним последовали еще два, не считая переизданий)¹⁸. В 1790 г. аналогичный трактат издает Н. П. Осипов, уже в самом названии своей книги, «Новый и совершенный русский садовник, или Подробное наставление Российским садовникам, огородникам и любителям садоводства», подчеркивавший, что издание адресовано российским любителям садов. Эта книга также неоднократно переиздавалась, кроме того, Осипов составил и первый на русском языке садовый словарь¹⁹.

Таким образом, к концу XVIII века отечественные садоводы-любители получили в свое распоряжение целый ряд изданий, удовлетворявших их потребности в области теории садово-паркового искусства. Но особенность этих изданий заключалась в том, что дискуссия, вызванная произошедшей в Европе так называемой «прекрасной революцией», нередко оказывалась неактуальной (в отличие от результатов этой революции). Если для европейского садового искусства она знаменовала собой своего рода борьбу господствующих стилей (то есть регулярного и пейзажного), то в России, только открывшей для себя садовую литературу, победа пейзажного сада была воспринята скорее как свершившийся факт. Поэтому, несмотря на отдельные призывы немногочисленных русских теоретиков садово-паркового искусства «согласить учение двух противоположных художников Кента и Ленотра»²⁰ (то есть объединить достижения пейзажного и регулярного стилей), ни в коем случае нельзя утверждать, что «оба садовых феномена, несмотря на разницу, в равной степени соответствовали представлению русского человека о совершенном саде»²¹. Во-первых, прием совмещения стилей неоднократно применялся и в европейской практике: торжество пейзажного садоводства в Европе не отменило достижений предшественников, и включение элементов регулярности в пейзажный парк оставалось вполне допустимым. Во-вторых, увлечение регу-

¹⁸ *Левшин В. А.* Садоводство полное. М., 1785; *Левшин В. А.* Всеобщее и полное домоводство. М., 1795; *Левшин В. А.* Собрание новых мыслей для украшения садов и дач. М., 1799.

¹⁹ *Осипов Н. П.* Подробный словарь для сельских и городских охотников и любителей ботанически увеселений и хозяйственного садоводства. СПб., 1791–1792.

²⁰ *Львов Н. А.* Каким образом должно было бы расположить сад князя Безбородки в Москве // *Гримм Г. Г.* Проект парка Безбородко в Москве // *Сообщения Института истории искусств.* Вып. 4–5. М., 1954. С. 110.

²¹ *Нащокина М.* Русское в русском садово-парковом искусстве. С. 436.

лярным садоводством, появившееся в России в петровскую эпоху, было недолгим, и уже к 70-м годам XVIII столетия в русском садово-парковом искусстве сформировалось выраженное эстетическое предпочтение пейзажного сада²². В частности, вопреки цитированному выше утверждению Нащокиной, Болотов, ознакомившись с сочинениями Хиршфельда, сделал однозначный выбор в пользу «нового вкуса» в садоводстве: «И особенного замечания достойно, что самые сии книги и преобразили совсем мои виды относительно до садов. И как до сего времени привержен я был к системе Ленотровой и любил сады регулярные, так, напротив того, в сие время их совсем разлюбил и получил вкус в садах новых, названных садами иррегулярными, натуральными...»²³.

Превосходство пейзажного сада над прочими пропагандировалось как в большинстве выбираемых для перевода на русский язык трактатов, так и в компилятивных и немногочисленных оригинальных трудах по теории садоводства. Например, В. А. Левшин писал о читателях своего труда: «Не найдут в оном ничего, относящегося до садов регулярных, поелику сего рода заведения вышли ныне из употребления; но вместо того, следовав господствующему вкусу, преподал наставление к расположению, отделке и украшению Англинских садов»²⁴.

Таким образом, в России тоже состоялась своя садовая революция, но подготовка к ней заняла значительно меньше времени, чем в Европе. Быстрота художественного переворота в русском садово-парковом искусстве стала причиной того, что все обстоятельства дискуссии о садовых стилях, их возникновении и распространении в России известны не были и тем более не стали для нее актуальными.

К концу XVIII — началу XIX веков в европейском садово-парковом искусстве сложилось два подхода к проблеме выбора художественного стиля. Первый, позднее получивший наименование «романтического», предполагал существование некоего «гения нации» как неуловимого источника специфического своеобразия произведений искусства, создаваемых отдельным человеческим сообществом. Сама идея зависимости искусства того или иного народа

²² Безусловно на практике многие провинциальные помещики продолжали устраивать регулярные сады вплоть до XIX века, но такие случаи известны и в Европе. Показательными при рассмотрении «национального вкуса» в садоводстве все же следует считать ситуации сознательного выбора.

²³ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793. Т. 1–4. СПб., 1870–1873. Т. 3. Стлб. 1137.

²⁴ [Левшин В. А.] Садоводство полное, собранное с опытов и из лучших писателей о сем предмете с приложением рисунков. М., 1805. Ч. 1. С. V.

от национального характера имеет столь же давнюю традицию, как и концепция влияния климата на этот характер. Отчасти споры вокруг этой проблематики описаны Николасом Певзнером, рассматривавшим тему отражения в искусстве духа народа на примере Британии. Певзнер приводит краткую историю вопроса: «Мнение о зависимости характера и истории народа восходит отчасти к Гиппократу и к “Методу” Жана Бодена 1566 года. Аббат Дюбо в 1719 году первым указал на взаимозависимость климата и искусства. Через несколько поколений Винкельман вдохнул жизнь в это утверждение, приложив его к своему толкованию греческого искусства. Затем об этом писал Гердер, а после него романтики, особенно Шлегель и многие другие на протяжении XIX века. В холодном климате животные окрашены в серые, коричневые, черные тона — тигры и попугаи живут в жарком климате. Так и искусство будет иметь различные оттенки в туманах севера и под ясным синим небом»²⁵.

Очевидно, что применительно к садово-парковому искусству эта идея кажется наиболее приложимой, так как оно напрямую зависит от климата. Поэтому представления о взаимосвязи духа народа с климатом, с одной стороны, и с создаваемыми этим народом произведениями искусства, с другой, приобрели в теории садоводства особую популярность. Показательно в этом отношении высказывание историка садово-паркового искусства второй половины XIX в., утверждавшего, что там, «где природа граничит с творением человека <...>, там она должна повиноваться требованиям ее властелина и одеваться то по-итальянски, то по-французски»²⁶. Такая концепция породила в садоводстве своего рода терминологические клише, то есть традицию называть садовые стили по национальному признаку: французский, голландский, английский, китайский и т. д., причем некоторые из них стали контекстными синонимами уже принятой терминологии²⁷. Так, английским стал повсеместно именоваться

²⁵ Певзнер Н. Английское в английском искусстве. СПб., 2004. С. 20. Англискому садоводству в книге Певзнера посвящена отдельная глава. Ср. монографию, посвященную дискуссии о национальном характере французского стиля в архитектурной теории второй половины XVIII века: *Lauterbach I. Der französische Garten am Ende des Ancien Régime*. Worms, 1987; а также сборник статей по вопросу существования национальных стилей в целом и немецкого сада в частности: *Gartenkultur und nationale Identität: Strategien nationaler und regionaler Identitätsstiftung in der deutschen Gartenkultur* / Hg. Gröning G., Schneider U. Worms, 2001.

²⁶ Лефевр А. Парки и сады. СПб., 1871. С. 176.

²⁷ Постановка вопроса о соотношении искусствоведческой терминологии и исторической дискуссии о «национально» окрашенных обозначениях садовых стилей см.: *Ananieva A. Russisch Grün. Eine Kulturpoetik des Gartens im Russland des langen 18 Jahrhunderts*. Bielefeld, 2010. S. 23–29.

пейзажный сад, а французским — регулярный²⁸. В садовых трактатах часто встречаются рассуждения о связи стилистических особенностей того или иного типа сада с характером нации. В частности, очень подробно эта связь была проанализирована в известном русскому читателю трактате Хиршфельда²⁹. Хиршфельд афористично определил сады «публичными монументами наций»³⁰, которые «суть предметы не единого земледелия, хозяйства и благосостояния, но и вкуса народного. И если основаны и расположены по собственному своему выбору и рассудку, а не по единому подражанию другим, то могут отчасти оставлять доказательство национального характера, который в них оказывается очевидно»³¹.

Теории национальной обусловленности стилей противостояла «цивилизационная» идея единства эстетического вкуса развитого общества, согласно которой существуют некие общие критерии красоты, и принять их может только общество, достигшее определенной, высокой ступени развития. Наконец, к середине XVIII века появились и попытки объединить эти концепции. Тот же Хиршфельд стремился представить в своем обширном труде историю садоводства как развитие национальных стилей, постепенно сменившихся зародившимся в Англии пейзажным садом. Вероятно, благодаря знакомству с книгами Хиршфельда в России в русской традиции укоренилась аналогичная точка зрения³², хотя и с некоторыми значимыми оговорками. Так, в русской садоводческой литературе не обсуждают

²⁸ Следует отметить, что само содержание этих понятий было неустойчиво и часто становилось предметом дискуссии, рассмотрение которой не входит в задачу данной статьи.

²⁹ Хиршфельд был известен не только по переводам Болотова. Недавно Б. М. Соколовым был обнаружен считавшийся утраченным экземпляр книги Хиршфельда в пометами Н. А. Львова: *Соколов Б. М.* «Правило из котораго великия можно вывести красоты!»: Вновь найденный экземпляр «Теории садового искусства» К. К. Л. Хиршфельда с заметками и рисунками Н. А. Львова // Из века Екатерины Великой: Путешествия и путешестввенники. Материалы XIII Царскосельской конференции. СПб., 2007. С. 454–478.

³⁰ Еще нечто о садах и происхождении оных. Из Гиришфельда // Экономический магазин. 1786. Ч. 25. С. 56. Здесь и далее сочинения Хиршфельда цитируются в переводе Болотова.

³¹ Там же. С. 57.

³² Ранее с близкими Хиршфельду идеями русский читатель мог познакомиться в книге Мейсона, который начинает свой трактат с анализа национальных особенностей садов, придерживаясь концепции эстетического прогресса и постепенного развития вкуса у европейских народов от античности (римские сады) до современности (английские). Но «Опыт о расположении садов» Мейсона, во-первых, не был столь популярен, как книга Хиршфельда, а во-вторых, перевод этого трактата вряд ли можно признать удачным и легким для восприятия.

ся вопрос о праве того или иного народа присваивать себе садовый стиль: национальная терминология была усвоена как уже сложившаяся и само собой разумеющаяся, но при этом не утратившая связи с означаемым, то есть с национальным характером. И поэтому, когда русское садоводство предпочло *пейзажный английский* стиль, значение обоих терминов было в равной степени важно.

С одной стороны, многочисленные русские путешественники превозносили английские парки именно за их близость к природе, то есть целиком и полностью разделяя и принимая философию пейзажного сада. Например, Александр Куракин, по возвращении из-за границы попытавшийся написать «Заметки об английском садоводстве», рассуждал о садах Британии: «...в этих местах мы находим все прелести, которые может предложить нам природа рука об руку с искусством, и то, что привносит искусство, кажется на самом деле принадлежащим природе»³³. В том же духе высказался об английских садах в своем дневнике заграничных путешествий и Владимир Орлов: «При расположении оных стараются они подражать природе и скрыть работу, которая необходима и часто много труднее бывает, нежели в регулярных...»³⁴. В этих источниках мы видим стремление российских любителей садов присоединиться к «цивилизационной» точке зрения и вместе со всей Европой признать право природы быть самой собой. Поэтому в некоторых садовых руководствах пейзажное садоводство подается как победа истинного вкуса, ликвидировавшая национальные разногласия: «Утонченному вкусу наших времен было предоставлено и в рассуждении садов произвести выгодные перемены, а при том природу ввести обратно в те ея права, которые французами и голландцами совсем из садов были изгнаны»³⁵.

В то же время не последнюю роль в популярности в России пейзажного стиля сыграл именно тот факт, что к концу XVIII века за ним уже устойчиво закрепилось наименование «английского». К началу 1770-х относится знаменитое высказывание императрицы в письме Вольтеру: «...англомания преобладает в моей плантомании»³⁶. По свидетельству иностранных очевидцев, увлечение

³³ Архив кн. Ф. А. Куракина. Т. 5. Саратов, 1894. Цит. по: *Кросс Э.* Британские садовники и мода на английские парки в России конца XVIII века // *С берегов Темзы — на берега Невы. Шедевры из собрания британского искусства в Эрмитаже* / Ред. Брайен Аллен и Лариса Дукельская. СПб., 1997. С. 96.

³⁴ *Орлов-Давыдов В. П.* Биографический очерк гр. В. Г. Орлова // *Русский архив*. 1908. № 8. С. 471.

³⁵ [Левшин В. А.] *Садоводство полное...* Ч. 1. С. 368.

³⁶ *Сборник императорского Русского исторического общества*. Т. XIII. СПб., 1874. С. 256.

английскими садами среди русского дворянства иногда превращалось в род безумия. Так, британский садовод Джеймс Мидер писал: «До последнего времени здешняя знать проявляла вкус разве что к садовым плодам, но те, кто успел побывать в Англии, пришли от тамошних пейзажных садов в столь великое восхищение, что раточают им похвалы, на наш с вами взгляд, пожалуй, преувеличенные. Немало способствовали тому и “Замечания о современном садоводстве” г-на Уотли <Вейтли. — А. В.>, изданные во французском переводе. В результате садоводство превратилось в повальное помешательство»³⁷. К концу XVIII в. мода на английские сады была так распространена, что возникла необходимость публикации планов и эскизов, по которым каждый желающий мог спланировать парк. Можно назвать по крайней мере два подобных альбома. Во-первых, это «Собрание новых мыслей для украшения садов и дач, во вкусе Англинском, Готтическом, Китайском; для употребления любителей Англинских садов и помещиков, желающих украсить свои дачи», изданное в Москве в 1799 г. Во-вторых, вышедшее на год раньше двуязычное издание с весьма характерным кратким предисловием: «Между многими друзьями, кои в наши времена только по Аглинскому штилю ландшафтов в вышнем садовом искусстве сделались известными, хотя большая часть снабжена уже хорошими магазинами выдуманых планов и со вкусом начертанных рисунков, каковыя на поместьях означенной окружности производятся и употребляются; но для тех, кои только ограниченные имеют владения и оному хорошему штилю только в миниатюре подражать могут, доселе, сколько нам известно, еще мало доставлено изданий и расположений; а посему надеемся, что теперешние опыты благосклонно приняты будут от владетелей умеренных поместьев, желающих придать им ландшафтную красоту в Аглинском вкусе»³⁸.

Здесь нельзя сбрасывать со счетов и некоторую усталость от галломании в России второй половины XVIII века, и, главное, определенную привлекательность и даже близость того национального характера, который, по утверждениям ряда авторов, стоял за английским стилем в садоводстве.

Хиршфельд выделяет два принципиально противопоставленных типа садов, уже самим описанием декларируя свои предпочтения: «Новейшие Бритские или Аглинские парки изъявляют путешествен-

³⁷ СПбФ АРАН. Разряд IV. Оп. 1. Д. 999. Л. 27–28. Цит. по: *Кросс Э.* Культурные связи между Британией и Россией в XVIII столетии // *С берегов Темзы — на берега Невы. Шедевры из собрания британского искусства в Эрмитаже* / Ред. Брайен Аллен и Лариса Дукельская. СПб., 1997. С. 21.

³⁸ Планы для расположения и разведения Аглинских садов, изданные Людовиком Христианом Манза. Moskau, 1798 (Plans zu Anlagen englischer Gärten von Ludwig Christ. Mansa).

нику нацию, которой дух стремится к вышним красотам, ухватывает великое и благородное, и охотно впускается в смелые и отважные предприятия. Наклонность к красивому и замысловатому, так как и некоторый дух малости, с которым помянутая наклонность легко смешивается, изображался в садах Франции»³⁹. Остальные национальные разновидности садов тяготеют, согласно концепции Хиршфельда, к одному или к другому типу. Так, швейцарские сады близки по описанию к английским, что отчасти объясняется сходством климата и природного ландшафта: «...если есть в свете где-нибудь земля, в которой натура соединила с ужасной величиною и разнообразием героических предметов отменную приятность видов, то таковою можно почтеть Швейцарию. <...> Сады их почти везде театры истинных естественных красот, удалены от пустых убранств и всякого бездельного мастеренья»⁴⁰. К французскому типу Хиршфельд относит немецкие, а также голландские сады, отличие которых заключается только в наличии каналов и обилии цветов, что также обусловлено особенностями ландшафта, то есть «низким положением земель». Некоторым нациям Хиршфельд вообще отказывает в склонности к садоводству: «Гишпанец не любит сельской жизни не от легкомысленности или испорченного вкуса, но от свойственной ему вялости, которая именно и называется Шпанскою, и имеет основанием своим отчасти некое особое смешение темперамента, отчасти национальные предрассудки»⁴¹.

В приведенных выше описаниях британский национальный характер предстает свободным, благородным и героическим и потому выглядит наиболее привлекательным. Не случайно неизвестный русский путешественник в Англии второй половины XVIII века восклицал: «Взгляните, на что способен человек, чей свободный гений не знает оков деспотизма и тирании! Природу, даже самую неблагоприятную, он украшает тысячью способов и получает, таким образом, радость от жизни»⁴². Кроме того, английский климат очевидно более всего близок России, позиционировавшейся в отечественной научной и научно-популярной литературе как «полуночная», северная страна»⁴³. Климатологическая теория получила рас-

³⁹ Еще нечто о садах и происхождении оных. Из Гиршфельда. // Экономический магазин. 1786. Ч. 25 С. 57

⁴⁰ Некоторые замечания о садах в Швейцарии. Из Гиршфельда. // Там же. С. 195.

⁴¹ Некоторые замечания о садах в Гишпании. Из Гиршфельда. // Там же. С. 245.

⁴² ОР РГБ Ф. 183. Иностранная литература. Л. 27 об. Цит. по: Кросс Э. Британские садовники и мода на английские парки... С. 81.

⁴³ См. об этом: Веселова А. Ю. Север и северные народы в русской культуре XVIII века // Северный текст в русской культуре. Материалы между-

пространенность в России во многом благодаря популярности концепции Ш. Монтескье, чью книгу «О духе законов»⁴⁴ использовала Екатерина II при составлении «Наказа Комиссии по составлению нового Уложения». Монтескье подробно разработал теорию «природного гения» нации: «Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи, как результат всего этого образуется общий дух народа»⁴⁵. При этом Монтескье утверждал моральное превосходство северян над южанами, что не могло не импонировать российским читателям, среди которых была и императрица: «В северном климате вы увидите людей, у которых мало пороков, немало добродетелей и много искренности и прямодушия. По мере приближения к югу вы как бы удаляетесь от самой морали: там вместе с усилением страстей умножаются преступления, и каждый старается превзойти других во всем, что может благоприятствовать этим страстям. В странах умеренного климата вы увидите народы, непостоянные в своем поведении и даже в своих пороках и добродетелях, так как недостаточно определенные свойства этого климата не в состоянии дать им устойчивость»⁴⁶.

Таким образом, отечественные издания по теории садово-паркового искусства подводили читателя к мысли, что русское садоводство, с одной стороны, предпочло тот стиль, который повсеместно был принят в Европе как вершина вкуса, и в этом смысле Россия оказалась одной из наиболее передовых европейских стран, пережившей очень короткий период эстетических заблуждений, а с другой, усвоение пейзажного стиля произошло легко и быстро, потому что русский национальный характер близок английскому, и это обусловлено сходством климатических условий.

Вероятно некоторые надежды на Россию, как естественную продолжательницу традиций английского садоводства, возлагал и Хиршфельд. Включив в приложение к своему трактату фрагмент про русские сады⁴⁷, он безоговорочно отнес их к английскому типу: «Лучший вкус в садоводстве привился в России с началом счастливого правления императрицы Екатерины II. Сия императрица, которой было суждено усовершенствовать вкусы и изящные искусства этой обширной страны, сделала в Ораниенбауме еще в бытность

народной конференции. Северодвинск, 25–27 июня 2003 г. Архангельск, 2003. С. 25–31.

⁴⁴ Первый русский перевод см.: О разуме законов. Сочинения господина Монтескюя. Перев. с франц. Василием Крамаренковым. СПб., 1775.

⁴⁵ Монтескье Ш. А. Избранные произведения. М., 1955. С. 412.

⁴⁶ Там же. С. 352.

⁴⁷ Информация о русских садах была получена Хиршфельдом от Я. Штелина.

великой княгиней попытку создать английский сад на лесистом участке напротив ее дворца и произвела эту пробу с изяществом и пониманием красоты, предвещавшими искусству садов весьма лестное будущее»⁴⁸. С Хиршфельдом был во многом согласен принц Шарль де Линь. Характеризуя сады Европы и отмечая, что в Европе можно наблюдать эстетический прогресс, выражающийся в постепенной смене французского типа садов английскими, он признает новой обителью вкуса Россию, куда несмотря на морозы, подалось с юга «божество вкуса»⁴⁹ и где оно нашло поддержку императрицы Екатерины⁵⁰. Де Линь достаточно высоко оценил русские императорские резиденции и некоторые частные сады, рассматривая их не как точные копии европейских образцов, а как вариации в рамках выбранного английского стиля.

Впрочем, определенная ангажированность де Линя вряд ли вызывает сомнения. Более независимые западные путешественники в первую очередь видели в русских садах слепки с английских, заодно наделяя последние культуртрегерской функцией. Например, Уильям Кокс после посещения Михайловки П. Панина в конце 1770-х годов писал: «Нам было исключительно приятно убедиться в том, что английский стиль садоводства успел проникнуть в места столь отдаленные»⁵¹. Как справедливо заметил Э. Кросс в одной из своих статей, посвященных англо-русским садовым связям: «Там где патриотически настроенные русские хотели видеть нечто свое собственное в своих садах, патриотически настроенные англичане чаще готовы были увидеть слабое подражание»⁵². Это утверждение прекрасно иллюстрируется сравнением восприятия Царского Села баронессой Димсдейл, написавшей, что сады там «разбиты в английском вкусе...»⁵³ и русского путешественника в Англии Владимира Зиновьева. Зиновьев посетил знаменитый парк Стоу и остался им недоволен: «Часто наставленными строениями в саду, Стоу очень похож на Царское Село и мне совсем не нравится»⁵⁴.

⁴⁸ Цит. по: Соколов Б. М. Британская теория пейзажного садоводства... С. 206.

⁴⁹ Имеется в виду прежде всего Италия, оставшаяся равнодушной к пейзажному садоводству.

⁵⁰ *Charles-Joseph Prince de Ligne. Coup d'oeil sur Beloeil et sur une grande partie des jardins de l'Europe. Beloeil, 1781. P. 25.*

⁵¹ *William Coxe. Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark. London, 1802 (5th ed.) P. 312–313.* Цит. по: Кросс Э. Британские садовники и мода на английские парки... С. 82.

⁵² *Cross A. The English garden in Catherine the Great's Russia. P. 179.*

⁵³ Кросс Э. Британские садовники и мода на английские парки... С. 86.

⁵⁴ Журнал путешествия В. Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784–1788 гг. // Русская старина. 1878. Т. 23. С. 429.

При всем комизме этой оценки, она, вероятно, не случайна. Именно в этот период в России возникает интерес к проявлению собственного национального духа в искусстве⁵⁵. Тема обращения к национальной специфике сада появляется почти одновременно в компилятивных трактатах В. А. Левшина и Н. П. Осипова, но в них чаще всего речь идет об использовании местных климатических особенностей, ландшафта и флоры, а не о национальном духе: «... по мнению и опыту моему нахожу я, что лучше у нас в России для таких отгородок внутри сада делать шпалеры из самых плодовых садовых деревьев, как-то: яблоней, груш, слив и вишен. Таковая шпалера, дошед в совершенство, выиграет у всех других красотой вида, весною находясь в цветении, а летом и осенью с плодами, что составляет, при удовлетворении намерению, и хозяйственную пользу»⁵⁶.

Об отражении особенностей русского национального характера в садах впервые, как уже было сказано, и вероятно не без влияния Хиршфельда, заговорил Болотов: «Всего бы благоразумнее было быть нам колико можно осторожными, и не спешить никак перенимать манеры у других, а паче испытать производить сады собственного своего вкуса, и такие, которые бы колико можно сообразнее были с главнейшими чертами нашего нравственного характера»⁵⁷. Следует отметить, что в отличие от Екатерины II, а также Осипова и даже Левшина, Болотов был настоящим садоводом-практиком, и потому под русскими садами подразумевал в первую очередь не дворцовые парки с их неограниченными материальными и пространственными возможностями, а усадебный сад помещика средней руки, каким был он сам. Поэтому, в частности, он считал неприемлемым прямой перенос на русскую почву садов английского типа, так как «с ними сопряжено несколько таких обстоятельств, которые с нравственным характером нашего народа не весьма согласны. С одной стороны, величина и огромность Аглинских парков, с другой — обширность мыслей, с третьей — особливость вкуса, с четвертой — великое терпение, какое надобно иметь множество лет до того, покуда можно увидеть сады таковые в надлежащем их совершенстве, а с пятой великие труды и убытки, потребные к заведению оных; а что всего паче, неуслаждаемые никаким прибытком и дальним увеселением, и многие другие не менее важные обстоятельства могут быть всегда великими препятствиями к тому, чтоб

⁵⁵ Швидковский, исследовавший проблему поиска национального стиля в архитектуре, полагает, что на Екатерину II в этом отношении сильно повлиял Д. Дидро: *Швидковский Д. О. Архитектура и политика в эпоху Екатерины II // Желаемое и действительное: Архитектура в истории русской культуры. Вып. 3. М., 2001. С. 99–108.*

⁵⁶ [Левшин В. А.] Садоводство полное... Ч. 1. С. 50–51.

⁵⁷ Некоторые замечания о садах в России. С. 60.

могло у нас произойти когда-нибудь много садов прямо Аглинских. <...> Потребен к тому дух, одним агличанам свойственный»⁵⁸.

Здесь, безусловно, следует учитывать и личность самого Болотова, который с ранних лет оставался германофилом⁵⁹, не разделявшим увлечения ни французской, ни английской культурой, но, вероятно, его садоводческая практика все же была определяющей. Если проанализировать авторские статьи Болотова рекомендательного характера, основанные на описаниях его собственного сада в усадьбе Дворяниново и в Богородицке, где он служил помощником управляющего императорской волостью, то можно отметить, что, при всей категоричности эстетического выбора, в основе практического садоводства Болотова лежит отмеченный еще Щукиной в ее ранней работе «хозяйственный утилитаризм»⁶⁰. Следует признать, что именно эта черта русского садово-паркового искусства, хотя и с некоторой натяжкой⁶¹, может претендовать на проявление в нем национального своеобразия⁶². Так, призыв по возможности извлекать выгоду из разведения садов звучит в трактате Осипова: «Большие сады по виду своему и расположению имеют многие названия и разделяются: на сады плодовые, сады гульбищные, овощники, зеленники или поваренные; которые в больших и знатных домах располагаются каждый особо. Но знающий и искусный охотник может все сии свойства соединить вместе; так что всякий шаг в его саду будет приносить удовольствие для глаз, обоняния и вкуса, а сверх того будет доставлять ежегодно от избытков своих довольную прибыль, делая притом и в других местах немалую собою пользу»⁶³.

Аналогичным образом к «рационализму и практицизму»⁶⁴ тяготеет в своих проектах Н. А. Львов, что можно проследить на при-

⁵⁸ Там же. С. 59.

⁵⁹ *Веселова А. Ю., Милютин М. П.* Этнические стереотипы и опыт восприятия иностранной культуры в мемуарах А. Т. Болотова // *Литературная культура России XVIII века*. Вып. 3. СПб., 2009. С. 242–265.

⁶⁰ *Щукина Е. П.* Подмосковные усадебные сады и парки конца XVIII века. М., 2007. С. 20. Издание представляет собой публикацию кандидатской диссертации Щукиной, защищенной в 1952 году.

⁶¹ Если французской, английской и итальянской традиции утилитаризм действительно скорее не свойственен, хотя и здесь его нельзя отрицать полностью, то для голландской или немецкой садовой культуры он, без сомнения, актуален.

⁶² Необходимо заметить, что утилитаризм в некоторой степени проводил стиливой эклектизм, но, как уже было сказано, эта особенность как раз не является специфически русской, а образцов чистоты стиля вообще можно назвать немногим.

⁶³ *Осипов Н. П.* Новый и совершенный русский садовник. Т. 1. С. 1.

⁶⁴ *Щукина Е. П.* Подмосковные усадебные сады и парки конца XVIII века. С. 22.

мере его собственной усадьбы Никольское-Черенчицы⁶⁵ и трактата об устройстве сада в московском поместье князя А. А. Безбородко. Показателен и еще один источник — письмо А. М. Бакунина 1804 года, адресованное Львову⁶⁶. Бакунин высказывает идеи об устройстве сада в своем поместье⁶⁷, во многом сходные с болотовскими и львовскими: « [Примирая меня с садами, научите же меня согласить и деревенскую постройку с моим садом]. Я не хочу, чтобы красивый сад умножил безобразие моей деревни, а хочу, чтобы деревня моя была приманчивым предисловием моего сада. [Тогда] будет, обещаю вам, и у меня сад не стриженный, не вьюрчатый, не аглицкой и не китайский, а будет сад русский»⁶⁸. Это свидетельство очень важно для рассматриваемого вопроса: Бакунин предполагал подчинить хозяйственную и «жилую» части имения садовому пространству, распространив его на всю усадьбу, и в этом прямо усматривал национальную специфику русского сада.

В итоге, именно эту черту русского сада отметил Джон Лаудон, автор энциклопедии садоводства⁶⁹, которая подвела итог развитию европейского садово-паркового искусства XVIII века. Энциклопедия стала первым теоретическим европейским трудом по садоводству, по-настоящему уделившим внимание русским садам, которым посвящена отдельная глава. Описание садов там систематизировано, расположено в хронологическом порядке, названы имена владельцев и садовников, учтены частные сады. И именно Лаудон обратил внимание на склонность русских садоводов к вписыванию в садовый пейзаж практически полезных зданий (например, фабрик)⁷⁰ и отметил это как интересный и новый прием. В то же время, Лаудон оперирует сложившей терминологией безоценочно, для него понятия «английский» и «французский» — это всего лишь тип сада без географической привязки и качественной характеристики. В тех же терминах он описывает и российские сады, выделяя среди них, например, те, которые были

⁶⁵ Устройство собственной усадьбы Львова подробно проанализировано в: *Вергунов А. П., Горохов В. А.* Вертоград. Садово-парковое искусство в России. М., 1996. С. 208–216.

⁶⁶ Если датировка письмо точна, то Бакунин обращается к уже покойному другу — Львов умер в 1803 году.

⁶⁷ *Агамалян Л. Г.* Русский сад Александра Бакунина: (К вопросу об авторе Прямухина) // Гений вкуса: Материалы научной конференции, посвященной творчеству Н. А. Львова. Тверь, 2001. С. 236–253.

⁶⁸ Письма А. М. Бакунина к Н. А. Львову / Публикация Л. Г. Агамалян // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 55.

⁶⁹ *Loudon Jh. C.* Encyclopedia of Gardeninig. London, 1822.

⁷⁰ Там же. § 468.

созданы «в голландском вкусе» (Летний сад)⁷¹ или «в английском стиле» (Павловск)⁷². Но принципиально важно, что Лаудон воспринимает российские сады как самостоятельное художественное явление, ставшее полноправной составной частью общей картины европейского садово-паркового искусства — это свидетельствует о формировании не национального стиля, но национальной традиции садоводства.

Таким образом, рассматривая отечественные источники XVIII века по теории садоводства, вряд ли можно говорить о выраженной национальной идее — она так и не была сформулирована, несмотря на намеченные подходы. Если же ставить вопрос о практическом проявлении специфических черт русского сада, то их, вероятно, следует искать не в больших императорских резиденциях и садах высшей знати, по-прежнему приглашавшей иностранных специалистов, а в небольших усадебных парках. При этом необходимо заметить, что некоторые особенности русского садоводства, которые можно признать отражением «природного гения» нации, прежде всего явно выраженная склонность к утилитаризму, были обусловлены не столько эстетическими или философскими позициями русских садовых теоретиков, сколько социальными и материальными обстоятельствами, в каких находился рядовой русский любитель садов, и спецификой адаптации европейской садовой теории на русской почве, успешно прошедшей и давшей свои плоды — сложившуюся традицию отечественного садоводства, получившую дальнейшее развитие.

⁷¹ Там же. § 449.

⁷² Там же. § 453.